

МИРЫ ВОЛКОДАВА. БРАТЬЯ

КОМПЛЕКТ 5 КНИГ

МАРИЯ СЕМЁНОВА

Мария Семёнова

Братья: комплект из 5 книг

«Азбука»

2015-2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Семёнова М. В.

Братья: комплект из 5 книг / М. В. Семёнова — «Азбука»,
2015-2024

ISBN 978-5-389-34017-6

Цикл «Братья» Марии Семёновой, написанный в жанре славянского фэнтези, является приквелом к культовому циклу «Волкодав» и повествует о событиях, произошедших за многие сотни лет до рождения последнего из рода Серых Псов. Главными героями этой истории стали братья Светел и Сквара. Светел – это маленький царевич, после вселенской катастрофы попавший в бедную приемную семью. Сквара – родной ребенок из этой семьи и приемный старший брат Светела. Когда Сквару насильно уводят из дома, его брат решает во что бы то ни стало найти своего родича, и этим поискам, а также судьбам самих героев и будут посвящены основные сюжетные линии. В цикле «Братья» нас ждут еще более глубокая проработка мира, особенно это касается языка повествования наполненного старинными словами и выражениями, история о силе судьбы, о поисках своих корней и ценностях семейных связей. Понравится всем любителям славянского фэнтези, исторического романа, атмосферного мира, историй про взросление героев, жизненные испытания.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-34017-6

© Семёнова М. В., 2015-2024

© Азбука, 2015-2024

Содержание

Тайный воин	7
Начин	8
Ветка рябины	8
Доля первая	14
Через реку	14
В гостях	21
Скоморохи	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мария Васильевна Семёнова

Братья: комплект из 5 книг

© М. В. Семёнова, 2015, 2018, 2024

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015, 2018, 2024

Издательство АЗБУКА®

* * *

Тайный воин

Автор сердечно благодарит:

Аллу Земцову
Юлию Зачёсову
Сиражудина Магомедова
Марата Гаджиева
Рабадана Магомедова
Екатерину Мурашову
Павла Молитвина
Дмитрия Тедеева
Юрия Соколова
Ольгу Савину
Владимира Бородина
Наталью Карасёву
Ольгу Ксенофонтову
Ольгу Скибину
Татьяну и Александра Урбанских
Татьяну Шевченко
Петра Абрамова
Екатерину Полянскую
Леона Абрамова
Елизавету и Константина Кульчицких
Вадима Платонова
Вадима Шлахтера
Евгения Голынского
Светлану и Валерия Сазоновых
Александра Кутукова
Виктора Краснова
Дину Дорофееву
Александра Теплова
Игоря Крашенинникова
Людмилу Седову
Наталью Попову
Анну Гурову
Ульяну Недосекову
Наталью Полийчук
Татьяну Буравцеву
Александра Соколовского

Начин

Ветка рябины

– Наша девчушка гоит¹ ли? – спросил мужчина. – Всё из памяти вон, Айге, как ты её назвала?

Женщина улыбнулась:

– Больше ругаю Баламошкой, потому что она умница и опрятница. А так – Жилкой.

Мужчина рассеянно кивнул:

– Жилкой... ну да. Привезёшь однажды, покажешь.

Если бы не разговор, ускользавший от посторонних ушей, они выглядели бы самыми обычными странствующими торгованами, каких много в любом перепутном кружале. Двое крепких молодых парней, скромно помалкивавших в уголке, сошли бы за сыновей.

– Привезу, – пообещала Айге. – Вот наспеет, и привезу. Ты, Ветер, едешь ли за новыми ложками по весне?

Он снова кивнул, поглядывая на дверь:

– В Левобережье... за Шегардай.

– А я слышала, гнездари бестолковы, – поддела Айге.

Ветер усмехнулся, с уверенной гордостью кивнул на одного из детей:

– Вот гнездарь!

В большой избе было тепло, дымно и сыровато. В густой дух съестного вплетались запахи ношенных рубах, сохнувшей кожи, влажного меха. По всем стенам сушилась одежда. Снаружи мело, оттепель раскачивала лес, ломала деревья, забивала хвойник густыми липкими хлопьями. Хорошо, что работники загодя насушили целую сажень дров. Все знают, что печь бережливее греет скутанная, но гостям по сердцу, когда в отворённом горниле лопаются поленья и дым течёт живым коромыслом, ныряя в узенький волок. А гости были такие, что угодить им очень хотелось. В кружале третий день гулял с дружиной могучий Ялмак по прозвищу Лишень-Раз. С большого стола уже убрали горшки и блюда с едой, воины тешили себя игрой в кости.

– Учитель... – подал голос парень, сидевший рядом с наставником.

Вихры у него были пепельные, а глаза казались то серыми, то голубыми.

Ветер не торопясь повернул голову:

– Что, малыш? Спрашивай.

– Учитель, как думаешь, где они всё это взяли?

За стеной, в просторных сенях, бойко шёл торг. Отроки продавали добычу. Да и старшие витязи у стола, где выбивали дробь костяные кубики, ставили в кон не только монету. Зарево жирников скользнуло по тёмно-синему плащу, расшитому канителью. Сильные руки разворачивали и встряхивали его, стараясь показать красоту узорочья – да притаить в складках тёмное пятно с небольшой дыркой посередине.

Айге положила ногу на ногу и заметила:

– Вряд ли у переселенцев. Те нищebroды.

¹ Автор, отнюдь не занимавшийся придумыванием новых слов или удивительных толкований, всего лишь пытался **писать эту книгу по-русски**. Честно предупреждаю: в тексте встретится ещё немало замечательных старинных слов, возможно выходящих из зоны привычного читательского комфорта. Полагаю, незаинтересованный читатель сумеет их с лёгкостью «перешагнуть». Заинтересованного – приглашаю в самостоятельное путешествие по сокровищнице русского языка. Поверьте, это может стать захватывающим приключением. А найдёте вы гораздо больше, чем предполагали...

Ветер пожал плечами. В серых глазах отражались огни, русую бороду слева пронизали морозные нити.

– Источница Айге мудра, – сказал он ученикам. – Однако в поездах, плетущихся вдоль моря, полно варнаков и ворья. Мало ли как они плату Ялмаку собирали.

За столом взревели громкие голоса. К кому-то пришла хорошая игра. Брошенные кубики явили два копыя, топор и щит против единственных гуслей. Довольный игрок, воин с как будто вмятой и негоже выправленной левой скулой, подгрёб к себе добычу. Кости удержали при нём плащ, добавив резную деревянную чашу с горстью серебра и тычковый кинжал в дорожных ножнах.

Ветер задумчиво проводил взглядом оружие:

– А могли и с соищущей дружиной схватиться...

Беседа тянулась вяло, просто чтобы одолеть безвременье ожидания.

– Отважусь ли спросить, как нынче мотушь? – осторожно полюбопытствовала Айге.

Ученики переглянулись. Ветер вздохнул, голос прозвучал глухо и тяжело:

– Живёт, но не знает меня.

– А о единокровных что-нибудь слышно?

Ветер оторвался от наблюдения за игрой, пристально посмотрел на Айге:

– Двоих, не желавших звать меня братом, уже представила Владычица...

– Но младший-то жив?

Глаза Ветра блеснули насмешкой.

– Говорят, Пустоболт объявился Высшему Кругу и вступил в след отца.

– Пустоболт, – с улыбкой повторила Айге.

– Если не врёт людская молва, – продолжал Ветер, – старый Трайгтрен ввёл его в свиту. Может, ради проворного меча, а может, надеется, что Болт ещё поумнеет.

Над большим столом то и дело взлетал безудержный смех, слышалась ругань, от которой в ином месте давно рассыпалась бы печь. Здешняя, слыхавшая и не такое, лишь потрескивала огнём. Канительный плащ так и не сменил обладателя, увенчавшись витой гривной и оплетённой бутылкой. Щедрый победитель тут же распечатал скляницу, пустил вкруговую. Как подбало, первым досталось отхлебнуть вожаку. Под хохот дружины Лишень-Раз сделал вид, будто намерился одним глотком ополовинить бутылку. Он выглядел вполне способным на это, но, конечно, жадничать не стал. Отведал честно, крикнул, передал дальше. Два воина за спиной воеводы стерегли стоячее копьё, одетое кожей. Из шнурованного чехла казалась лишь чёлка белых волос и над ней – широкое железко.

– Учитель, Мятой Роже везёт шестой раз подряд, – негромко проговорил второй парень. – Как такое может быть? Ты сам говорил, кости – роковая игра, не знающая ловкости и науки...

Волосы у него были белёсого андархского золота, он скалывал их на затылке, подражая наставнику.

Ветер зевнул, потёр ладонью глаза:

– Удача своевольна, Лихарь. Ты уже видел, что делает с человеком безудержная надежда её приманить.

– А вот и он, – сказала Айге.

Через высокий порог, убирая за пояс войлочный столбунок и чуть не с каждым шагом бледнея, в повалушу проник неприметной внешности середович. Пегая борода, пегие волосы, латаный обиванец... Как есть слуга в небольшом, хотя и крепком хозяйстве. Ступал он бочком, рука всё ныряла за пазуху, словно там хранилось сокровище несметной цены.

Зоркие игроки тотчас разглядели влезшего в избу.

– Прячь калитки, ребята! Серьга отыгрываться пришёл!

Ученик, сидевший подле наставника, чуть не рассмеялся заодно с кметями:

– А глядит, как тухлое съел и задка со вчерашнего не покидал...

– Не удивлюсь, если вправду не покидал, – сказал Ветер.

Томление бездействия сбежало с него, взгляд стал хищным. Глядя на источника, подобрались и парни.

Мужичонка по-прежнему боком приблизился к столу, словно до последнего борясь с погибельной тягой, но тут его взяли под руки, стали трепать по спине и тесней сдвинулись на скамье, освобождая местечко.

– Удачными, – обращаясь к ученикам, пробормотал Ветер, – вас я сделать не властен. А вот удачными... умеющими привести на службу Владычице и удачу мирянина, и его неудачу...

Игра за столом оживилась участием новичка. В прошлые дни Серьга оказал себя игроком не особенно денежным, но забавным. Стоило поглядеть, как он развязывал мошну и вытаскивал монету, которую, кажется, удерживала внутри вся тяга земная. Долго грел в ладони, словно что-то загадывая... потом выложил на стол. Когда иссякли шуточки по поводу небогатого кона, в скоблённые доски снова стукнули кости. Пять кубиков подскакивали и катились. Игроки в очередь вершили по три броска; главней всего были гуси, вторыми по старшинству считались мечи. Когда сочлись, Серьга из бледного стал совсем восковым. Его монета, выдавший виды медяк с изображением чайки, заскользила через стол к везучему ялмаковичу.

Лишень-Раз вдруг поднял руку – трезвый, несмотря на всё выпитое. Низкий голос легко покрыл шум кружала.

– Не зарься, брат! Займи ему, с выигрыша отдаст. А проиграется, всё корысть невелика.

Взятое в игре так же свято, как боевая добыча, но слово вождя святей. Мятая Рожа рассмеялся, бросил денежку обратно. Серьга благодарно поймал её, поняв случившееся как знак: вот теперь-то счастье должно наконец его осенить!

Стукнуло, брякнуло... Раз, другой, третий... Словно чьё-то злое дыхание поворачивало кости для Серьги кверху самыми малопочтенными знаками: луками да шеломами. Медная чайка снова упорхнула на тот край. Серьга низко опустил голову. Если он ждал повторного вмешательства воеводы, то зря. Ялмак не зря носил своё прозвище. А вот ялмаковичу забава полюбилась. Монетка, пущенная волчком, вдругорядь прикатилась обратно. Серьга жадно схватил её...

– Бороду сивую нажил, а ума ни на грош, – прошипел Ветер.

...и проиграл уже бесповоротно. Дважды прощают, по третьему карают! Витязь нахмурился и опустил денежку в кошель.

Ближний ученик Ветра что-то прикинул в уме:

– Учитель... Ему правда, что ли, двух луков до выигрыша не хватило? Обидно...

Ветер молча кивнул. Он смотрел на игроков.

Серьгу у стола сочувственно хлопали по плечу:

– Ступай уж, будет с тебя. И обиванец свой в кон вовсе не думай, застынешь путём!

Серьга, однако, уходить не спешил. Он медленно покачал головой, воздел палец, двигаясь, словно вправду замёрзший до полусмерти. Рука дёрнулась туда-обратно... нырнула всё же за пазуху... вытащила маленький узелок... Серьга развернул тряпицу на столе, будто не веря, что вправду делает это.

– Как же Ты милостива, Справедливая, – шепнула Айге.

На ветошке мерцала серебряной чернью ветка рябины. Листки – зелёная финифть, какой уже не делали после Беды, ягоды – жаркие самограннички солнечно-алого камня. Запонка в большую сряду красной госпожи, боярыни, а то и царевны! Воины за столом чуть не на плечи лезли друг дружке, рассматривая диковину. Сам Ялмак отставил кружку, пригляделся, протянул руку. Серьга сглотнул, покорно опустил веточку ему на ладонь. Посреди столешницы уже росла горка вещей. Недаровое богатство, кому-то достанется!

Воевода не захотел выяснять, какими правдами попало сокровище к потёртому мужичонке. Лишь посоветовал, возвращая булавку:

– Продай. Сглупишь, если задаром упустишь.

Серьга съёжился под тяжёлым взглядом, но ответил как о решённом:

– Прости, господин... Коли судьба, упусти, а продавать не вели...

Ялмак равнодушно передёрнул плечами, снова взялся за кружку.

И покатились, и застучали кости... На Серьгу страшно стало смотреть. Живые угли за ворот сыпь – ухом не поведёт! И было отчего. Диво дивное! Им с Мятой Рожей всё время шли равные по достоинству знаки. Кмети, уже отставшие от игры, подбадривали поединщиков. Остался последний бросок.

Вот кубиками завладел ялмакович. Коснулся оберега на шее, дунул в кулак, шепнул тайное слово... Метнул. Кмети выдохнули, кто заорал, кто замолотил по столу. Мятой Роже выпало четверо гуслей и меч. Чтобы перебить подобный бросок, требовалось истое чудо.

Серьга, без кровинки в лице, ословелые глаза, принял кости и, потряхнув кое-как, просто высыпал на стол из вялых ладоней.

И небываемое явилось. Четыре кубика быстро замерли... гуслиями кверху. Пятый ещё катился, оказывая то шлем, то щит, то копьё. Вот стал медленнее переваливаться с боку на бок...

...лёг уже было гуслиями... Серьга ахнул, начал раскрывать рот...

...и кубик всё-таки качнулся обратно и упокоился, обратив кверху топор.

Серьга проиграл.

Крыша избы подскочила от крика и еле встала на место, дымное коромысло взялось вихрями. Мятой Роже со всех сторон предлагали конаться ещё, но ему на сегодня испытаний было довольно. Он сразился грудью на выигранное богатство, подгрёб его к себе и застыл. Потом встрепенулся, поднял голову, благодарно уставился на стропила, по-детски заулыбался – и принялся раздавать добычу товарищам, отдаривая судьбу. Серьга тупо смотрел, как рябиновая веточка, в участи которой он более не имел слова, блеснула камешками перед волчьей безруквой вождя.

– Спасибо за вразумление, воевода, твоя мудрость, тебе и честь!

Ялмак отхлебнул пива. Усмехнулся:

– На что мне девичья прикраса? Оставь у себя, зазнобушке в мякитишки уложишь.

Воины захохотали, наперебой стали гадать, какой пышности должны оказаться те мякитишки...

Ветер кивнул ближнему ученику:

– Твой черёд. Поглядим, хорошо ли я тебя натерил.

Парень расплылся в предвкушении:

– Учитель, воля твоя!

Обманчиво-неспешно поднялся, выскользнул за порог. Разминулся в дверях с кряжистым мужиком, казавшимся ещё шире в плечах из-за шубы с воротом из собачьих хвостов. Лихарь понурил белобрысую голову, пряча полный ревности взгляд. Айге отломил кусочек лепёшки, обмакнула в подливу.

– И надо было мне тащиться в этакую даль, – шутливо вздохнула она. – Кому нужны скромные умения любодейки, когда у тебя встают на крыло подобные удалцы!

Ветер улыбнулся в ответ:

– Не принижай себя, девичья наставница. Кости могли лечь иначе...

Веселье в кружале шло своим чередом. Витязи цепляли за подолы служанок, хвалили пиво, без скупости подливали Серьге: не журишь, мол, день дню розь, выпадет и тебе счастье. Он кивал, только взгляд был неживой.

Черева у дружинных вмещали очень немало. Обильная выпивка всё равно отзывала наружу то одного, то другого. Мятая Рожа было задремал у стола, но давняя привычка не попустила осрамиться. Воин протёр глаза, вынул из-под щеки ставший драгоценным кошель и на вполне твёрдых ногах пошёл за дверь отцедить. Миновал в сенях отроков, занятых торгом, кивнул знакомым коробейникам из Шегардая и Сегды...

Наружная дверь отворилась с мучительным визгом, в лицо сразу ринулись даже не хлопья – сущее крушье, точно с лопаты. Мятая Рожа не пошёл далеко от крыльца. Повернулся к летящей пади спиной, распустил гашник, блаженно вздохнул... Он даже не отметил прикосновения к волосам чего-то чуть более твёрдого, чем упавший с ветви комок. Ну проросла в том комке остренькая ледышка, и что?..

Ялмакович открыл глаза, кажется, всего через мгновение. Стоя на коленях в снегу, тотчас бросил руку за пазуху, проверить, цел ли кошель. Кошель был на месте. Только... только не ощущались сквозь мягкую замшу самогранные ягодки под зубчатыми листками, которые ему уже понравилось холить...

Другой витязь, в свой черёд изгнанный пивом из тепла повалуши, едва не наступил на Мятую Рожу. До неузнаваемости облепленный снегом, тот шарил в сугробе, пытался что-то найти. Боевые побратимы долго рылись вместе, споря, достойно ли во избежание насмешек умолчать о пропаже – либо, наоборот, позвать остальных и раскопать всё до земли.

Серьга волокся заметённой, малохожей тропой, плохо понимая куда. В глазах покачивался невеликий, но тяжёленький ларчик. Доброго старинного дела, из цельной, красивейшей, точно изнутри озарённой сувели... ларчик, ключ от которого посейчас висел у него, Серьги, кругом шеи, гнул в три погиба... Из метельных струй смотрели детские лица. Братец Эрелис и сестрица Эльбиз часто открывали ларец, выкладывали узорочье. Цепочки финифтевых незабудок – на кружевной платок матери. Серебряный венец, перстни с резными печатями – на кольчугу отца.

Он знал, как всё будет. Ужас и непонимание в голосах:

«Дядюшка Серьга... веточку не найти...»

И он пойдёт на поклёп, а что делать, ведь Космохвост за утрату их пальцем не тронет, ему же – голову с плеч.

«А вы, дитятки, верно ли помните, как всё назад складывали?»

И – две горестно сникшие, без вины повинные головёнки...

И – раскалённой спицей насквозь – взгляд жуткого рынды...

И – нельзя больше жить, настолько нельзя, что глаза уже высмотрели над тропой сук покрепче, а руки вперёд ясной мысли взялись распутывать поясок. Длинный, с браным обережным узором, вытканый на бёрде старательными пальчиками, все бы по одному перецеловать: «Носи на доброе здоровье, дядька Серьга...»

– Постой, друже! Умаялся я тебя настигать.

Злосчастный слуга не сразу и понял, что голос прозвучал въяве и что обращаются вправду к нему. Вздрыгнул, обернулся, только когда ворот сжали крепкие пальцы.

Незнакомец годился ему в сыновья. Серые смешливые глаза, в бровях застряли снежные клочья, на ногах потрёпанные снегоступы... Серьга успел решить, что нарвался на лиходея, успел жгуче испугаться, а потом обрадоваться смерти, только подивившись: да много ли у него, спустившего хозяйское достояние, надеются отобрать? – но против всякого ожидания человек вложил ему в ладонь маленькое и твёрдое и замкнул руку, приговорив:

– Утрись, не о чем плакать.

Серьга стоял столбом, пытаясь поверить робкому голосу осязания. И таки не поверил. Мало ли что причудится сквозь овчинную рукавицу. Послушно утёрся. Бережно расправил

ладонь... Света, гаснувшего за неизмеримыми сугробами туч, оказалось довольно. Серьга упал на колени, роняя с головы столбунки:

– Милостивец... отец родной...

Всё качалось и плыло. Возвращаться с исподнего света оказалось едва ли не тяжелее последнего безвозвратного шага.

– Встань, друг мой, – сказал Ветер. Нагнулся, без большой надсады поставил Серьгу на ноги. – Мне будет довольно, если ты вернёшь булавку на место и никогда больше не подойдёшь к игрокам, искушающим Правосудную. Служи верно Эрелису и Эльбиз, а я рядом буду... – Он выпустил Серьгу и улыбнулся так, словно вечный век его знал. Собрался уже уходить, но вспомнил, подмигнул: – Да, смотри только, Космохвосту молчи... Он добрый малый, Космохвост, одного жаль, недалёкий. Да что с рынды взять! Никому не верит, не может в толк взять, кто истинные друзья.

Серьга опустил взгляд всего на мгновение – убедиться, что рябиновая гроздь вправду переливается в ладони. Когда он снова поднял глаза, рядом никого не было. Лишь деревья размахивали обломанными ветвями, стена и жалуюсь, точно скопище душ, заблудившихся в междумирье.

Доля первая

Через реку

– Стой, ребятки!

Первым хозяйскому оклику внял пёс. Уселся, задышал, вывалив из пасти язык. Обвис верёвочный потяг, гружёные санки накатили ещё пядь и замерли, не достигнув откинутого хвоста. Потом остановились мальчишки.

– Что, атя? – спросил старший.

Жог смотрел на сыновей, переводя дух. Он торил путь, ломал снегоступами наст. От шерстяной верхней рубахи шёл пар, тёплый кожух вовсе ехал на санках.

Мальчишки, румяные от ходьбы, одинаково опирались на кайки.

– Оглянитесь, – велел отец.

Они стояли на самой середине реки. Позади, за оплывшими нагромождениями торосов, под серым куполом неба высился матёрый северный берег. Отвесные, обросшие ледяными бородами кручи, тянущиеся на множество вёрст. Рослый лес наверху выглядел седоватой щетинкой.

Жог коснулся пальцами снега, кланяясь далёким утёсам:

– Прости, батюшка Коновой Вен.

– Не поминай лихом, – отозвались дети.

Жог невольно улыбнулся, глядя на два лохматых затылка, темноволосый и золотой. Добрые сыновья. Не стыд людям показать.

Когда двинулись дальше, младший догнал отца:

– Атя, дай буду тропить?

Ему было десять лет, он помнил солнце и считал себя взрослым. Он совсем недавно подарил печному огню прядь волос, заплёл косы и привесил к поясу нож, а это обязывало.

Жог кивнул:

– Давай, Светел.

Сын обошёл его, захрустел снегоступами, начал крушить льдистую корку. Жог чмокнул губами, поднимая улёгшегося пса. Зыка послушно вскочил, на потяге звякнули колокольцы. Старший сын, Сквара, лукаво щурил глаза, поглядывая в спину братишке. Не иначе прикидывал, надолго ли того хватит.

Здесь, кажется, было самое морозное место на перегоне между двумя зеленцами. Тело начало остывать. Жог повёл плечами, рукавицей сбил окидь с рубашки, взял из саночек кожух.

Тропить было нелегко. Светел сгоряча положил себе дойти до левого берега, но уже через полверсты засопел, тяжело отдуваясь. Взрослый мужской почёт требовал немаленькой платы.

Ещё через несколько сотен саженой показалось впору просить смены, но Светел всё продолжал тащить пуды, повисшие на ногах. А каждую подними, да не зацепив носком ледяной край. Переставь, навались – и наракуй опять у колена... Светел чуть не плакал, упрямо отказываясь сдаваться. Мимо прохрустел лыжами Сквара:

– Пусти погреться, братище.

И пошёл колоть лапками ледяной череп. Любо-дорого посмотреть, как ставил ноги. Светел завистливо вздохнул, сваливаясь назад. Это ж Сквара. Его на лыжах уморить мог только отец, и то с натугой.

Жог посмотрел, как проворно мелькают заплатки на кожаных штанах старшего сына. Ближе к зеленцу надо будет парню напомнить, чтобы натянул новые. А то ввалится во двор каков есть, сраму не оберёшься.

Обрывы Конового Вена помалу отодвигались, истаивали, пропадали в тумане. Трое походников рассчитывали вновь поклониться им дней через пять-семь.

Левый берег Светыни был низменным. За невысокой грядой лежали топи, торфяники и заболоченные озёра. Прежде здесь были шумные птичьи угодья. То кликуны присядут на отдых, то утки птенцов выведут. Дальше начинались отлогие холмы, поросшие лесом, но во время Беды лес сгорел, подожжённый упавшим сверху огнём. Теперь до самого окоёма простирался бедовник. Зимой, в крепкий мороз, по снежной пустоши славно бежалось бы на больших лыжах. Сейчас стояла середина лета, самые долгие дни.

– Атя, а дядька Подстёга приедет? – спросил Светел, когда остановились передохнуть и отец начал стружить рыбу. – С тёткой Дузьей и... ну...

Он досадливо притопнул обутой в лапку ногой. Имя сверстника, виденного полтора года назад, ускользло из памяти.

– Ознобишей, – подсказал Сквара.

– Я помнил!

– Приедут, – кивнул Жог. – Захотят же узнать, как там Ивень.

Светел спросил:

– Вдруг Ивень сам с котлярами пожалует? Свидеться?

– А позволят? – пробормотал Сквара. – Им там, люди сказывают, велят родню позабыть...

«Мало ли что велят!» – хотел возразить Светел, но такие слова с набитым ртом не говорят. Он принялся торопливо жевать. Зубы тотчас заломило от холода. Вот что получается, когда жадничаешь и неправильно ешь.

– Ты за восемь лет позабыл бы? – спросил Жог.

Сквара помолчал, негромко ответил:

– Ни за что.

«А Лыкасик? – подумал Светел. – Забудет своих?..»

Отец покачал головой:

– Люди разное бают о том, что с увядшими становится. Может, и не врут, что они мать родную потом идут убивать.

Светел наконец проглотил рыбу, но хвалиться памятью стало вроде незачем. Он нахмурился, сказал другое:

– Праведные цари не посылали матерей губить.

Жог тоже свёл брови, но по другой причине.

– Ты вот что, – строго напомнил он младшему. – Как придём, смотри, поменьше болтай. И в мыльню с чужими не соблазняйся!

Светел опустил голову, уронил золотые вихры на глаза:

– Не соблазнюсь, атя.

На самом деле за время дороги отец успел повторить наставление семьдесят семь раз. Всё знал младшего бессмысленным дитятком, неспособным усвоить сказанное однажды.

– А ты присмотри, – велел Жог старшему.

– Присмотрю, атя, – пообещал Сквара и взъерошил голову брату.

Сам он выглядел настолько близким подобием отца, насколько вообще это возможно. Только пока не вытянулся в рост и не нажил надо лбом серебряных прядей. Ничего: зато видно, каков станет красавец. Если доживёт, подобно Жогу Пеньку, до тридцати восьми лет.

– Не всех в воинское обучение берут, – сказал он больше затем, чтобы подбодрить младшего брата. – Да что впусте гадать. Вот придём, сами увидим.

Светел долго молчал, потом перестал хмуриться, спросил:

– А как думаешь, тётка Дузья пряничков напекла?..

У всякой матери болит сердце о детях. Даже если сама она уплывает в печальное белое небытие.

Когда случилась Беда, тяжело раненная Мать Земля напрягла последние силы – и населённая твердь растворилась множеством живородных ключей. Эти кипуны и теперь били сквозь погребальные пелены снега, источая вар, согретый сердцем глубин. Ключища, особенно крупные, собирали кругом себя всякую жизнь, звериную и людскую. В первый год после Беды целые деревни переползали ближе к теплу. Люди разбирали вековые избы, бревно за бревном везли на новое место. Теперь жизнь вошла в русло, худо-бедно наладилась.

То, что в Левобережье опять наехали котляры, иные толковали как верный знак возвращения спокойных, мирных времён. Кому был черёд собирать в дальний путь сына, гордились, устраивали веселье. Гнездари созывали в гости родню, ближнюю и не очень. Приглашали друзей. Даже дикомытов с правого берега.

Походники собирались заночевать в небольшом, удачно расположенном зеленце меж холмов. Родники здесь были несильные, жилую весь с банями и зелёными прудами вытянуть не могли. А вот хорошая зимовьюшка в распадке стояла. Как раз до утра переждать странствующему человеку. С печкой и запасом дров, который совестливый гость обязательно возобновит перед тем, как на прощание поклониться порогу.

Уже падали сумерки, иначе над чащей виднелись бы завитки пара. Лес, уцелевший со времени Беды, начинался двумя большими ёлками. Они стояли рядом, трогая одна другую ветвями. Не поймёшь, из одного корня растут или из разных: место, где ствол проникал землю, таилось под пятью аршинами снега.

– Смотри! – сказал Сквара младшему брату. – Как есть мы с тобой!

Жог улыбнулся. Идти до зимовья оставалось не более полутора вёрст.

Светел обернулся к отцу:

– А вдруг дядька Дёждик вперёд нас прошёл?..

Ответил Сквара, чья очередь была прокладывать путь:

– Может, как раз встретимся, – сказал он, поглядывая на лес.

Свет быстро уходил с неба, но путники вступили в длинный ложок, и Сквара высмотрел под деревьями чужую ступень. Светел вымотался уже до того, что думал только о лежаке под кровом избышки, но при этих словах у него разом прибавило сил. Он живо догнал старшего брата, потом даже выскочил вперёд прямо по целине. Склонился над следами, с торжеством выпрямился:

– Подстёгины лапки! И тёткины, и...

– Ознобишины, – ехидно встрял Сквара.

Светел гневно повторил:

– И Ознобишины!

Однако держать сердце на брата долго не мог. Оба расхохотались.

Может, где-то витали лыжные делатели получше Жога Пенька, но здесь про них не слышали. Люди снаряжались издалека, чтобы купить у него быстрые лыжи для торных дорог или охотничьи лапки. Сыновья уже помогали Пеньку плести снегоступы, а следы узнавали едва не лучше отца.

Потом Сквара потянул носом воздух, удивился:

– Ступень утренняя, а дымом не пахнет.

– Может, сразу дальше пустились? – предположил Светел. – Там всего ничего...

– Может, и пустились, – сказал Жог. – Вы вот что, оба, тишкните.

Зыка в упряжке вдруг заворчал, насторожил уши. Жог остановился, глядя вперёд. Потом нагнулся к саням, вытащил свой лук и надел тетиву. Повесил на правое бедро тул, открыл

берестяную крышку. Сумерки сделали цветные перья одинаково серыми, но Жог и ощупью знал, где какая стрела.

Он отстегнул потяг и поставил сыновей тащить санки, а сам взял Зыку, вышел вперёд.

Левобережье – это не своя чаша. Дома по окликам птиц, по дальнему вою можно определить, где в лесу человек. И даже иногда – кто таков. Здесь всё не то, всё не так. Здесь никакая предосторожность не помешает.

У последней горки перед зимовьем ворчание кобеля перешло в глухой рык, злой и угрюмый. Жог потянулся за стрелой, но убрал руку. Врагов впереди не было. Только чувство беды, осязаемо плотное, как запах. Походники молча, скорым шагом одолели последний подъём.

Тёплые ключи журчали и булькали, вызванивая свою мирную песенку. Над кипуном, одевая инеем сосны, вихрился густой пар. Больше ничего мирного на поляне не было. Между родниками и приоткрытой дверью зимовья чистый снег обтаял и потемнел. Посреди лужи, раскинув руки и ноги, белело наготой женское тело.

Сверху к нему бесстыдно и властно приникло тело мужчины.

Деждик Подстёга и его жена Дузя.

Остолбеневший Жог узнал старинных друзей и успел дико подумать, с чего это они взялись «играть» не у печки, а в холодном снегу. Ему понадобилось мгновение, чтобы понять: супруги не двигаются.

– Тётя Дузя... – заикаясь, выговорил Светел.

Все трое живо скатились с горки. Ещё на что-то надеясь, побежали к Подстёгам. Надеяться оказалось поздно. Тела уже остывали. Кто-то, очень лихо управлявшийся с самострелом, всадил меткий болт Деждику под лопатку. Потом добил ударом копья, точно лося на охоте. Женщине досталось в сердце ножом. С обоих спорили одежду и бросили в снег, как на брачное ложе.

Вот и все пряники...

Между прочим, санки с подарками, почти такие же, как у Пеньков, стояли под стеной избушки совершенно нетронутые. Кто-то глумливо помочился на них, а полсть даже не взрезал. Этот кто-то пришёл не разбой творить – убивать и желал всем послать про то весть. Один упряжной пёс лежал у полозьев, второй, похоже, вскинулся на врагов. Самострельный болт отбросил его, пригвоздил к брёвнам. Там он и висел, распахнув пасть в оскале последней ярости.

– Ознобиша!.. – позвал Сквара вполкрика.

Он помнил: младший сын Подстёги нрава был не отчаянного. А ну влез с перепугу на ёлку да так там и мёрзнет, не смея спуститься?..

Никто не откликнулся.

Ознобиши не оказалось ни в избушке под лежаком, ни на крыше, ни где-нибудь за наледями.

Жог высек огня. Не для костра, не для печки – какая тут печка! Растеплил свечу, забранную стёклышком походного светильничка. Сквара, лучший следопыт, низко пригнулся к земле.

Пенёк первым придумал ковать лапки ледоходными шипами, чтобы на косогорах, до блеска выглаженных ветром, не скользила нога. Он же взялся устраивать в плетёнке отверстие под носком валенка, чтобы свободнее качалась ступня. На снегоступах убийц не было ни шипов, ни отверстий. Четверо явились издалека.

Один вершил расправу, второй наблюдал, стоя у окраинных сосен. Может, держал самострел наготове, но тетиву не спускал. Двое других ещё прежде убийства свели прочь Ознобишу. Малец уходил оглядываясь, правда, бежать не пытался и подавно в драку не лез. Сделав дело, первые двое тоже ушли.

Тут вспомнишь, чем бабка в детстве страшила. Левый берег левый и есть, чего здесь доброго ждать!

Жог с сыновьями долбили мёрзлый снег складными лопатками, взятыми из саней. Светел трясся и кусал губы, но не хныкал. Семь лет назад он уже видел смерть. Очень близкую. Очень страшную. Такую, что не сразу выдумаешь страшней.

Дно ледяной ямы застелили одеждой, собранной на поляне.

На полсти, взятой в избушке, перетащили Деждика.

Уложили рядом жену.

Скутали той же полстью беззащитную наготу.

Пепельные женские косы в узорных лентах замужества, растрёпанные, набрякшие кровью... Лицо мужчины, казавшееся сосредоточенным и спокойным...

Потом долго носили из ключища мокрые камни, выворачивая какие потяжелей.

Может, доберутся горностаи и вездесущие мыши. Но не росوماхи с волками. А медведей здесь давно никто не видал. Это временная могила. Вот кончится праздник, уедет с котлярами Лыкастик, тогда и можно будет сложить Подстёгам честный погребальный костёр...

Сквара что-то бормотал насчёт того, чтобы пройти по следам и выручить Ознобишу, но сам понимал: пустошное мелет. Похитчики были воинами, наторевшими убивать. Куда против них лыжному делателю с двоими мальчишками. Только самим сгинуть, чтобы Подстёгам не скучно было одним на Звёздном Мосту.

Кончив тягостный труд, походники уже не чуяли ни рук, ни ног. А ничего не поделаешь, пришлось вновь завязывать путца и уходить. Не здесь же ночевать, у осквернённых смертью ключей.

Сквара повёл младшего к санкам:

– Садись, я толкать буду.

Светел в ответ то ли заскулил, то ли зарычал. Отпихнул брата, пошёл сам. Жог молча тропил.

Они-то радовались готовому следу, они-то ждали встречи, тёплого ночлега и разговоров, а утром – весёлого, с прибаутками, совсем не тяжёлого последнего перехода...

Ведать бы заранее, как всё обернётся.

А и ведали бы, что толку?..

Жог беспощадно гнал ещё не меньше трёх вёрст. Сквара временами сменял отца. Светел тоже пытался, но не выстаивал долго.

Наконец Пенёк воткнул посох в снег.

Взялся было за рыбу, но оставил. Ни у кого горло не принимало.

Сквара молча покормил пса. Наконец улеглись.

Повозились в просторных кожах, утянули руки из меховых рукавов. Заправили внутрь мягкие куколи: и ворот замкнут, и подушка готова. Так и свернулись на снегу возле саней, словно в спальных мешках.

Всё как в прежние ночи, да немного не так. Мальчишки сразу заснули, Жог остался стеречь.

И не только затем, чтобы никто не проспал погибельного онемения.

У Рыжика была мягкая-мягкая шёрстка: щенячий пух, ещё не проросший жёсткой щетиной. И несоразмерные, неуклюжие крылья с нежными перепонками. Мальчику кувырчался в тёплом песке, ёрзал вверх пузом. Аодх всё боялся, не повредил бы хрупкие крылья. Друзья только учились внятно беседовать, но мальчик ощущал весёлое удивление щенка. Ты же, мол, не боишься пальцы сломать, когда за ухом чешешь?..

Взрослые сука и кобель кружили высоко в небе: что-то вдалеке привлекло их внимание. Синими-синими были глубокие небеса в россыпи стоячих кучевых облаков...

Смотреть бы в них и смотреть, пока возможность была.

Солнце вдруг померкло. Гранитные скалы за лукоморьем из красных сделали чёрными. Издали, стелясь по земле, ударили чудовищные лучи багрового, огнистого света. Сполохи, застревавшие на зубцах крепостных башен, испускала великая туча, внезапно вставшая у небоската. С берега моря она казалась мелко-бугристой, как туго завитое руно, но некоторым образом даже издали ощущалась неимоверная сила, ворочавшаяся внутри. У тучи не было макушки. Она уходила куда-то в небо – сквозь небо – на непредставимую высоту, прямо туда, где по ночам горят звёзды. Дымный, чуть выгнутый хвост истаявал вдали не оттого, что рассеивался, просто в те горние сферы глаз человеческий уже проникнуть не мог. Низ тучи понемногу начинал оплывать... Растекаться на стороны, заполнять окоём, набухать кровавым свечением... Медленно-медленно валиться прямо на город...

Пасть матери сомкнулась на загрызке щенка. Кобель схватил за рубашку маленького Аодха. Громадные крылья с неистовой яростью гребли под себя воздух. Симураны пытались разминуться со смертью, стремительно мчавшейся на Фойрег.

Они были уже высоко, так высоко, что недоставало воздуха ни для дыхания, ни на опору крыльям, когда палящая туча надела на город. Она клубилась и текла по земле, столь плотная, что куски холмов плыли и кувыркались в ней, точно поплавки в бурной реке. Огненное дыхание испепеляло всё сущее. И лес на корню, и брёвна стен, и живую плоть. Попадавшееся на пути даже не вспыхивало – испарялось бесследно, лёгкими хлопьями, подлетевшими к кузнечному горну...

Туча прокатилась над Фойрегом, и Фойрег перестал быть. Остались завалы мёртвого пепла, насухо выкипевшая гавань да кое-где каменные, точно облизанные, багрово светившиеся подклеты домов. Небо над останками города дрожало от непредставимого жара. Жар достиг высоты, где уходили прочь два симурана, и опалил им шерсть, но симураны продолжали лететь...

Кобель в последний миг успел прикрыть собой подругу и обоих детей. Полуослепший от незримого пламени, уже понимая, что гибнет, он не сдавался. Несколькими бешеными взмахами сумел нагнать суку и опустить трёхлетнего Аодха ей на спину. Тот сразу вцепился, вжался всем телом в опалённую гриву. Подтянул к себе Рыжика, вынужтого из материнских зубов... Какое-то время кобель ещё держался внизу, принимая на себя волну за волной смертельного жара. Потом перепонки на его крыльях пошли кровавыми волдырями и почернели. Он стал проваливаться вниз, вниз, вниз, в раскалённое небытие. А ещё через несколько невыносимых мгновений израненную суку подхватил и спас могучий поток ледяного сивера, пытавшегося противостоять вселенской Бед...

Светел ощутил падение в жуткую бездну и проснулся, дрыгнув ногами.

Ночная темень уже синела, понемногу рассеиваясь. Сквара сидел на санях и щипал себя, чтобы не падала на грудь голова. Рядом, вытянувшись в снегу, спал отец.

Его третий отец после спасителя-симурана и седого величественного человека, носившего в волосах каменную звезду.

Светел широко раскрыл глаза, стал смотреть на Жога и Сквару. Так, словно у него ещё и этих прямо сейчас хотели отнять.

«Надо было небом любоваться, пока оно не исчезло. И Ознобиша, родителей обнимая, небось знать не знал, что больше не доведётся. А я о чём думал, когда атя сказал кланяться Вену?.. Вот возьмут налетят... с самострелами... тоже за тридцать земель в неволю сведут... буду вспоминать, как последний раз оглянулся. Как на маму серчал, что за валами при всех, точно маленького, гладила по головке...»

Со вчерашних казней жаловалось всё тело, но сон рассеялся без следа. Сквара заметил взгляд младшего, подобрался к нему, обогнув санки. Спросил шёпотом:

– Опять приснилось, братище?

Светел со всхлипом втянул воздух.

– Я не попрощался... – кое-как выговорил он. – Перед Бедой...

И потянул носом, отчаянно стиснув зубы.

Сквара обнял его. Он был на два года старше. Светелу временами казалось, что вдвое.

– Никто тогда не успел.

Светел не выдержал, вцепился в него, ткнулся лбом в грудь. Он очень хотел рассказать Скваре, что хуже смерти боится потерять его, атю и маму. И ещё, что станет лекарем и будет всех лечить, чтобы подольше не умирали. Много чего хотел сказать, только слова наружу не шли.

Сквара легонько встряхнул его, нагнулся к уху:

– Брат за брата, встань с колен...

– И не надо каменных стен, – проглотив горячий комок, так же тихо шепнул в ответ Светел.

Это были их особенные, заветные слова, оклик и отклик, зов и отзыв. Светел как-то сразу понял, что всё будет хорошо.

Сквара стащил с левой руки варежку:

– На вот, лекарь, попользуй.

Светел схватил его руку своими двумя и некоторое время гладил и грел. На указательном пальце не гнулся последний сустав. Сквара не шутя уверял: без «братища» весь перст так и отсох бы. Светел подозревал про себя, что мать была права и лекарь из него никудышный, ведь сгиб так и не заработал.

Поднявшись, Опёнки стали потихоньку начинать день. Сквара тонким лезвием снял кожу с мёрзлого шокурового бока, поставил рыбину головой на чистую доску и ловко взялся стружить. Подошёл Зыка, уселся в сторонке. Стал глядеть несатыми глазами, до того умильно облизываясь, что, конечно, получил кусочек на пробу. Светел тщательно размял зелёный ком горлодёра. Чеснок на Коновом Вене давно уже не вызревал, но мать и бабушка умели так квасить мох с водорослями из тёплых прудов, что люди узнавали истовый чесночный запах и вкус. Даже хвори зелёный чеснок отгонял настолько же люто.

Всё приготовив, разбудили Жога.

– Ешь, атя, – сказал Сквара.

Придвинул отцу горку самых жирных и лакомых стружек: с горба и пупка. Они не просто вкусны. Они дают силу тому, кто себя трудит больше других.

Пенёк хмыкнул в бороду. Однако угощение взял.

Рыбью шкурку и кости с кишками оставили на снегу, зверям здешнего Лешего.

Надели на пса шлейку-алык, так и не высушенную в зимовье. Пристегнули потяг, двинулись дальше.

Ледяной череп, прихваченный ночным морозом, был сущие кары. Светел сразу вышел тропить. Ему тоже досталось немного шокурового жира, добрый вкус ещё держался во рту. Мать перед походом всё шпыняла Сквару, наказывала, чтобы в дороге младшенького не обидел: вот, мол, ужо я тебе!.. Сквара улыбался, молчал...

Аодх тогда ещё дичился в новой семье. Он совсем не знал языка и трудно привыкал к чужому имени: Светел. Так хвалили его Пеньки, не надеявшиеся правильно выговорить андархское рекло мальчишки. Золотоголовый, золотоглазый приёмши таился в углу, обхватив руками колени. Вздрагивал от громкого голоса. Живмя жил в избе, не шёл даже во двор. Всё боялся, вдруг небо снова падать начнёт.

Сквара показывал ему игрушечный лук, но он ёжился и прятал лицо.

Когда все разошлись, Аодх начал оглядываться. Почти сразу заметил под сыпучей, возле самой божницы, одну из немногих покупных вещей в избе, выставленную на погляд. Красивую голубую чашу с тонкими стенками, сквозистыми на просвет.

Дома было много таких чаш... И не только таких...

Захотелось прикоснуться, погладить. Попросить чуда о возвращении неворотимого... Мальчик влез на лавку, как мог вытянул руку, поднимаясь на цыпочки. Достал наконец... Движение вышло неуклюжим. Посудина закачалась. Словно бы потопталась на полке – и обманчиво медленно опрокинулась вниз. Аодх не успел её подхватить.

Чаша фойрегского дела не зря славилась прочностью. Она, может, и уцелела бы, угодив на берестяной пол, на толстые половики. Но конечно, должно было случиться как есть худшее. Чаша попала на твёрдый край лавки и с коротким звоном распалась на две почти равные доли.

Аодх смотрел на них, придавленный немым ужасом. Вот всё и пропало. Сгнуло насовсем. Расточилось...

В это время из сеней в дверь сунулся родительский сын, Сквара. Аодх немного побаивался его, такого сильного, уверенного и... диковатого, что ли, если с бывшими сверстниками равнять. Сквара увидел, что произошло. Быстро глянул на приёмышу, взял обломок чаши. Выскочил вон.

Почти тотчас снаружи донёсся сердитый крик матери.

Сейчас войдёт, схватит винного и...

Аодх, прирученный, что справедливой кары не бегают, зачем-то поднял другую половинку чаши, бросился через порог.

Мать, красная от досады и гнева, голосила на весь двор, таская за ухо Сквару. Тот кривился, прыгал с ноги на ногу, но вырываться не смел.

Аодх невнятно вскрикнул, побежал к ним. Он заливался слезами, показывал осколок и тыкал себя пальцами в грудь. Вот, вот я, казните!

Мать обернулась. Тут же всё поняла. Выпустила намятое ухо, обняла сразу обоих и тоежь расплакалась.

Отец выглядывал из ремесленной, держа в руках заготовку для снегоступа. Дедушка закрывал утиный хлевок...

Поздно вечером, когда все улеглись и затихли, Аодх пригрелся под боком у старшего брата. И впервые за долгое время уснул спокойно и крепко.

Он ещё не умел понять: как того ни желай, минувшее не вернётся. Клади новое начало на пепелище бывшего – вот единственный путь.

Чашу отец склеил яичным белком. Она и теперь отсвечивала голубыми боками, красуясь рядом с божницей. Пеньки в шутку называли её братиной...

В гостях

Зеленец, куда вёз подарки Пенёк, назывался просто и хорошо: Житая Росточь. Сразу видишь сильное ключище, занятое богатой, крепкой семьёй. Там, где тёплое дыхание вара давало бой многолетней зиме, туман клубился стеной. Сероватые клубы неспешно ползли вверх, утекая в низкие облака.

– Светелко, – окликнул Жог.

Он даже остановился. Светел подбежал, с готовностью кивнул:

– Не пойду в мыльню с ними, атя.

– И ты, Скварко, – продолжал отец. – Воробы машисто живут, лакомо, не нам верста. Могут ласково принять, но и загордовать могут...

– Звигуры, – пробормотал старший, выговорив прозвище хозяев так, как предпочитали они сами, на андархский лад.

– Вот именно, – кивнул Жог. – На вас моя надея, ребятки.

Светел повернулся идти, но всё-таки буркнул:

– Что же в гости звать, чтобы смеяться потом.

Жог несильно шлёпнул его концом кайка пониже спины:

– А ты, как придём, покрепче молчи. Особенно когда котляры наедут. И леворучье своё, смотри, не очень оказывай.

Глаза у Светела стали круглые.

– Не то заберут?..

Сквара нахмурился:

– Мы им так заберём...

Брови у него были длинные и прямые, гладкие у висков и пушистые к переносью. Оттого хмурился он грозно, по-взрослому. Светел привычно и крепко надеялся на заступу старшего брата, но в этот раз вдруг подумалось: «Ознобише, поди, тоже так сказывали...»

Пенёк твёрдо приговорил:

– Горшок котлу не товарищ! Мы никогда царям обязаны не были, а нынешним царевичам и подавно. Ни мехами, ни кровью. И сирот, чтобы котлярам с рук сбывать, у нас не ведётся, не наш это обычай. Просто... Тебя нам вверили, чтобы на Коновом Вене возрос. Вот велик поднимешься, сам за себя и решишь. А до тех пор зачем людям языками болтать?

Светел кивнул с облегчением. Отец был, по обыкновению, прав.

– Хорошо, атя.

Жог, спохватившись, окликнул:

– Скварко! Штаны новые вздень!

Когда-то давно, когда ещё светило солнце, Берёга Звигур приехал в правобережье на большой торг. Привёз жену Обороху и младшего на ту пору сына. Они уже знали, что судьба Лыкасику – котёл, царская чадь. Мать баловала его, как умела. И допестовалась беды: дитяtko подавилось тестяным шариком, варенным в меду. Женщина растерялась, начала уже выть... Суровая Ергá Корениха, Скварина бабушка, перехватила у неё малыша. Да так ловко трянула, что шарик выкатился наземь.

После оказалось, что Воробей доводился кровником Деждику, давнему другу Пенька.

С тех пор левобережная семья водилась с правобережной. Съезжались, правда, хорошо если раз в год, если у кого-то опять ладили торг.

Походников заметили издалека. В тыне распахнулись ворота, Берёга Воробей сам вышел навстречу.

– Здорово в избу, – как подобало, приветствовал его Пенёк.

– Поди пожалуй! – ответил Берёга.

Они обнялись.

Тёплый воздух целовал щёки. В кожухах понемногу делалось жарко. Братья Опёнки смиренно стояли у саночек. Утишали Зыку, чужавшего других кобелей. Зыка, сердитый не только в труде, нёс хвост копьём. У себя расправу держал – и здесь утвердился, если задирать станут.

Народу во дворе было полным-полно. Из-за спин хозяев и гостей любопытно выглядывали чернавки.

Глаза разбегались от обилия чужих лиц, но Лыкаша Светел высмотрел и узнал сразу. Тот, ровесник Скваре, выглядел крепким, гладким, холёным. Не диво. Сколько помнил Светел, Обороху всё вздыхала, глядя на сына, всё подкладывала ему кусочки послаще. В чужой, мол, сторонushке кто же сироте поднесёт?.. Небось совсем окормышем стал бы, но в котёл таких не берут.

Хозяйка тоже выбежала во двор. Упыхавшаяся, с набрякшими веками. Звигурова земля была добрая, кругом дома ни снега, ни грязи, бросай валенки, радуйся босиком. Так ведь нет. С голыми пятками шастали одни чернавки. Хозяйка, понятно, первая выхвалялась достатком. Даже у хлбпота стояла в красных сапожках.

– Будь здорова, как вода, тётянка Обореха, – вежливо поклонились Сквара и Светел. – Будь богата, как земля, плодovита, как свинья!

Она что-то ответила, махнула рукой.

Светел толкнул локтем брата:

– Мукá! Настоящая...

По вышитому запонцу тётки Оборехи в самом деле рассыпалась многоценная привозная мука. Ничего не жаль ради прощального почестного пира! Будут небось на столе правские блины с пирогами, а повезёт – и горячие белые калачи...

Светел проглотил слюну. Дома размалывали клубни болотника, высушенные в печи, а настоящей муки давным-давно не видали.

Мать посунула Воробыша вперёд: иди поздоровайся.

– А Подстёги разве не с вами? – спросил он, толком не отведя черёд расспросам о житье-бытье на Коновом Вене, о малой тётке Жиге-Равдуше и великой тётушке Коренихе.

– Они... – ляпнул было Светел, но вовремя прикусил язык.

– Про них атя скажет, – выручил Сквара.

Отец от самого зимовья наказывал им, чтоб не смели портить Звигурам праздник. Хорошо, Лыкастик ничего не заметил. Кажется, мысли у него скакали белками по дереву. Не успевали ни на чём скучиться. Ещё бы! Котляров ждали всего через день.

– Жалко, – сказал он. – Вот бы пряничков привезли.

Светелу было ещё жальче. Он успел наметать себе совсем другую встречу с Воробышем. Тот с минувшего лета как перемытился. Светел, по обыкновению, примерил увиденное на себя. Возьмёшься перебираться пером, если вся привычная жизнь вот-вот канет и утечёт... Уже послезавтра Лыкашке, чего доброго, даже от домашнего имени отрешиться велят. Страшно, голова вкруг!

И сани с подарками разбирали не так, как представлял Светел, затягивая перед походом шнуры. Думалось, лыжи прославленной Пеньковой работы поплывут по рукам на всеобщее любованье, а тётка Обореха примется спрашивать, как поступать с чёрными камешками из плетёного коробка... Настал делу черёд, а Воробыш к саням едва подошёл. На сей раз его сунул в спину отец.

– И не красиво, да спасибо, – всё-таки обиделся Светел, но шёпотом, чтобы только брат слышал.

Рассудительный Сквара пожал плечами и ничего не сказал, хотя обижаться следовало ему. Опрятные звёзды на снегоступах для Лыкашки выплелал именно он.

Правду люди говорят: где естно, там тесно. Народу в Житую Росточь съехалось столько, что не стало места какое в избах, даже в клетях. Левобережникам хотелось приобщиться к великому делу, взглянуть на андархов, ощутить себя частичками могучей древней державы.

Берёга, вслух каясь, повёл Пеньков в просторный собачник. Надворные ухожи, предназначенные для ездовых собак, стали рядить лишь после Беды. Потому и называли отлично от былых псарен. Внутри было шумно и не очень тепло, зато просторно и чисто.

Пристегнув Зыку, отец поманил хозяина дома в сторонку, стал что-то тихо рассказывать. Звигур ахнул, всплеснул руками. Оглянулся на мальчишек.

– Во двор подите, – сказал им Жог. – Поиграйте.

Снаружи впрямь неслись задорные оклики. Передний двор был полон ребятни: шла игра в «вбóрна». Хозяйский сын бегал вокруг, взмахивал руками, изображал хищника. Получа-

лось, надо сказать, схоже. Время от времени «ворон», каркая, бросался на стайку малышни, пытался кого-нибудь сцапать. Дети с визгом шарахались, удирая под защиту «клуши» – девочки постарше.

«Курята» обернулись на скрип двери. Лыкастик воспользовался этим и сцапал оплошного. Хватка вышла чересчур злая. Мальчонка трепыхнулся, заныл. Лыкастик его выпустил.

– Ну тебя совсем, хнюня. – И весело позвал: – Скварка! Иди, вороном будешь.

Тот проводил взглядом плачущего «курёнка»:

– Не... Вороном не хочу.

Девочка крикнула задорно, со смехом:

– Тогда клушей иди!

Сквара улыбнулся:

– Это пожалуй.

Звигур закаркал, возобновил ловлю. Светел устроился в углу двора и сразу пожалел, что не взял из саней веретено да кужёнку хорошо выбитой шерсти: на основу, когда бабка с матерью затеют ткать. От непривычной праздности было тревожно. Светел знал себя слишком взрослым, чтобы бегать с малёхами, а «вороном» или «клушей» казалось чуточку боязно. В сторонке посидеть, оно верней будет.

Лыкашу тем временем вовсе перестало спорить в игре. «Клуша» из Сквары получилась, про какую рассказывают: за своих цыплят лютый зверь. На «ворона» он вроде и не очень смотрел, но тот всё никак не мог миновать его. А попытался сшибить силой – сам наелся земли.

– Не ворон, воробыш!.. – забила в ладоши девочка, спутавшая, кого собиралась подымать на зубки.

Лыкаш озлился, отбежал, назвал Сквару диким дикомытом и ушёл со двора.

– От гнездара слышали, – пробормотал Светел, когда тот уже скрылся.

– Мог бы и уступить, – строго сказал Жог, вышедший со Звигуром из собачника. – Его праздник.

Сквара виновато улыбнулся:

– Мог, атя. – Оглянулся на малышей. – Так эти... пискуны. Жалко...

Жог для порядка дал ему подзатыльник и следом за Берёгой поднялся на крыльцо.

– Смотри! – Светел вытянул руку.

С неба раздалось карканье.

Пробив завесу тумана, со стороны леса к усадьбе летел ворон-тоскунья. Не игорочный, взаправский. Большая птица, чёрная с синевато-зелёным отливом по низу тела, высматривала добычу у людского жилья. Блестела умными недобрыми бусинками, хрипло бранилась. А иначе, мол, накараю вам смерть!

Незачем вещуну летать через двор, тем паче в праздничный день! Сквара сдёргнул с пояса пращу, выхватил из кармана голыш. Снаряд лёг в кожаное донце, закружился, взмыл.

Ворон кувырнулся в воздухе, испуганный камнем, свистнувшим на расстоянии пяди. Каркнул последний раз, выправился, торопливо захлопал крыльями, уносясь обратно за тын.

Братья было заспорили, где искать голыш. Тут оказалось, что за мальчишками наблюдали не только Жог и Берёга.

– Мазила! – прозвучал насмешливый голос. – В овин с трёх шагов попадёшь?

У входа во двор стоял парень в хорошей суконной свите и таких же штанах. Незнакомец был отменно сложен и выглядел сильным. Светлые волосы убраны со лба и сколоты по-андархски, усы ровно подстрижены, челюсть выбрита. На Коновом Вене таких звали скоблёными рылами и говорили, что у них всей красы – одни скулы да усы. А у этого на левой скуле ещё и краснел недавний шрам, словно кто метил глаз ему выткнуть, да чуток оплошал.

Сквара ответил:

– Я не промазал.

– Так убеди.

Детина казался взрослым. Но не настолько, чтобы почтительно слушать, что он ни скажи.

Сквара хмуро спросил:

– Сам чей будешь?

– Лихарем люди зовут, – не очень понятно отмолвило скоблёное рыло. И вдруг указало на Светела: – Сшиби у него с головы лучинку – поверю.

Сквара пожал плечами:

– Да не верь.

Взял брата за руку и ушёл с ним к Зыке в собачник. Нужно было ещё вынести оставшийся съестной припас в каменный амбар, устроенный на морозе.

– Рано птишка запела, как бы кошка не съела, – хмыкнул вслед Лихарь.

Кошка вправду выскочила под ноги, когда открыли амбарную дверь. Но никого, конечно, не съела, метнулась, удра к дому. Светел оглянулся за ней. Бывая в гостях, он всегда высматривал кошек. Надеялся увидеть похожую на тех, которых помнил. В его первом доме велась особенная порода – царская дымка. Светел нигде больше не встречал такой шерсти. Туманно-таинственно-голубой, как предрассветная мгла над морем. Люди гордились, если им дарили котёнка...

Здесьняя кошка была, конечно, совсем иная. Простенькая серо-полосатая с белыми опрятными лапками. Светела удивило другое. Она не подошла познакомиться, сразу порскнула прочь.

– Ну его, Лихаря этого! – сказал он Скваре, когда шли обратно. – Сам мазила!

Старший брат удивился:

– Ты что, обиделся?

Глаза колют только правда с полуправдой. Полная чушь не обижает, она смешит.

Из тумана высунулась чернавка. Кошка с разбегу прыгнула ей на грудь. Девушка обняла любимицу, унесла в зеленец.

Добраться до веретён снова не удалось. Во дворе на братьев Опёнков наскочила молодая Лыкашкина тётка с лубяным коробом в руках:

– В клеть волоките!

Сквара принял короб. Светел подхватил с другого конца.

– В которую?

Женщина указала рукой и сразу исчезла.

Кажется, последние дни в эту клеть без разбора сваливали всё подряд: пусть лежит пока, там видно будет. В том числе – привезённые гостями подарки. Светел сразу рассмотрел дивные беговые лыжи. Он следил, как отец гнул их в станке, помогал обшивать камысами. Одна лыжа косо торчала из-за сундуков, вторая лежала на полу, придавленная большой кадкой, распор подевался неизвестно куда. Лапок совсем не было видно, зато плетёнка с чёрными камнями опрокинулась и раскрылась, целебные самородки высыпались на пол. Братья поставили короб. Светел присел на корточки, стал собирать знакомые камешки.

Сквара присмотрелся к очень красивой корзине, сплетённой из соснового корня.

– Матери бы такую, – сказал он. – И бабушке понравилась бы... Вернёмся, надерём?

Корень для плетения теперь добыть было проще, чем лозу. Вётлы почти не росли, зато бедовников – на каждом шагу. Другое дело, чтобы управляться с неподатливым корнем, мочь в пальцах требовалась изрядная.

– Эй! – окликнул возникший на пороге Лыкаш. – Глазы ямы, руки грабли! Не трожь, не твоё!

С другой стороны двора пристально наблюдал Лихарь.

Сквара обернулся к брату:

– Пошли.

Хозяйский сын прищурился сквозь потёмки:

– А ты там чего полные жмени набрал?..

Светел так выронил камни, словно горячих углей черпанул.

Воробыш злорадно пообещал:

– Всё батюшке расскажу!

– Беги рассказывай, – кивнул Сквара. – Других дерут, тебе сидеть мягче.

Лыкашка вдруг покраснел, сморщился... действительно убежал.

Братья вышли из клетки. Лыкаш ревмя ревел на заднем крыльце, мать его утешала. Рядом, комкая рукотёр, мялась с ноги на ногу Оборохина сестра, Облуша. При виде правобережников она устремилась к ним, замахиваясь ширинкой.

Сквара, шедший впереди, не стал ни уворачиваться, ни заслоняться ладонями. Остановился и лишь прижмурил глаза, чая шлепка. Ему было не привыкать. У матери он тоже выходил всегда во всём виноват.

Наказывать Жогова сына Облуша всё-таки постыдилась.

– Идите-тось, шатуны, повесть к празднику помогайте светлить!

Братья переглянулись. У них дома сказали бы «идите-ка». И не стали бы помыкать детьми гостей, когда свои есть. Ну ладно.

– Пошли, жадобинка моя, ты уж посиди, полежи... – проводил их больной голос хозяйки.

Опёнки бегом кинулись прочь. Хоть заходы скрести, лишь бы долой с глаз.

Вечером, когда затеяли пир, просторная повесть, где прежде хранили на зиму сено, мало не расцелилась по углам. Гости тесно расположились на новеньких, нарочно вытесанных скамьях. Чернавки сбивались с ног. Детвора, своя и приезжая, толкалась во дворе. Один Лыкастик сидел среди взрослых, между матерью и отцом. Принимал почесть. Думать о нём было чуточку завидно, однако местами меняться не хотелось.

Когда наружу вытаскивали очередное блюдо с обрезками, ребячья сарынь бросалась, несито расхватывала куски. Сквара было сунулся добыть вкусного себе и младшему брату, но вернулся смущённый. Толкаться за еду он не умел. Дома не приучили.

– Как есть дикомыты, – засмеялась черनावушка-полугодница, та, которой на грудь прыгала кошка.

– Эти взяхари, – рассудила другая, постарше. Она уже носила понёву и цветную ленту в косе. – Не дашь – просят, дашь – бросят.

Девки обидно засмеялись, скрываясь за дверью. Унесли за два конца тяжёлый поддон с озерком душистой подливы. У Светела запело в животе. То-то бы славно корки макать...

Он проглотил слюну:

– И ничего мы не бросали!

Сквара нахмурился:

– И не просили.

Кошкина хозяйка вдруг выскочила обратно. Огляделась, торопливо сунула мальчишкам долблёную деревянную мису. В мисе дымилась ячная каша. Правская, не из водорослей! И без скупоści сдобренная той самой подливой!..

– Спасибо, красёнушка, – поклонились братья.

– За вкус не берусь, а горяченько да мокренько будет, – хихикнула девушка и снова исчезла.

Опёнки вытащили из поясных кошелёй дорожные костяные ложки. Светел сперва забылся, взял левой. Потом спохватился, даже глазами по сторонам метнул: не видать ли где

Лихаря с его тревожащим любопытством? Тот веселился среди гостей. Сквара, глядя на младшего, фыркнул и, наоборот, переложил ложку в левую руку. Такая у них водилась игра. Опёнки принялись за еду.

Старшая девушка вынесла плошку с высокой стопкой блинов. Она торопилась, но отказать себе в удовольствии оговорить дикомытов всё-таки не смогла. Сквара как раз поднял глаза, и она ему улыбнулась:

– Не ешь масляно, ослепнешь.

Сквара досадливо опустил ложку. Что за радость иным людям гордовать, обижая других? Особенно от кого ответа не ждут?

Довольная чернавка заторопилась дальше, но злой язык не довёл до добра. У самой вострени девушка споткнулась на ровном месте, вскрикнула... не удержала блинов. Упало – пропало! Шустрая ребятня, обжигаясь, мигом всё похватила.

– Здорово ты её, – похвалил Светел.

Сквара моргнул.

– Не, – сказал он. – Я так не умею. – Подумал, рассудил: – Пошли, братище, не то опять кому под руку попадём.

Была уже непроглядная ночь, когда веселье наверху помалу затихло. Вернулся отец.

Сыновья не спали, шушукались, пощипывали сытого и выгулянного Зыку.

Жог обнял мальчишек, притиснул к себе и не стал ничего говорить.

От его рубашки пахло всем тем, что таскали на блюдах чернавки, дыхание отдавало пивом.

Потом он сунул руку за пазуху и вынул калач, припасённый с застолья. Остывший, чуть-чуть помятый... но всё равно настоящий. Сразу пошёл дух, лучше которого не бывает на свете.

– Домой бы свезти... – вздохнул Сквара.

Калачи, если сразу из горнила да на мороз, ещё не такое путешествие выдержат. Но это коли угостят. А не угостят – не просить стать.

Жог разделил лакомство натрое. Животок с губой – сыновьям, ручку – Зыке. Посмотрел на жующих Опёнков и приговорил, как о решённом:

– Своих напечём, получше.

Скоморохи

На другое утро ещё на брезгу проводили мужчин, снарядившихся к Подстёгам на их стылый погост. Едва они скрылись, как рассвет обратился вспять. С северо-востока, цепляя лесные вершины, выползла непроглядная туча. Она двигалась очень медленно, обещая навсегда накрыть Житую Росточь.

Во дворе стали шептаться. Многим уже казалось – это внуки Небес вняли Оборохину молению, пытались отогнать котляров. Ну... Совсем их, конечно, не остановишь, но хоть задержать...

Другие не верили шёпотам, потому что летом часто бывают такие ненастья. И даже выюги хуже зимних.

Скоро над зеленцом пошёл дождь. Утопанный двор сразу размок. Вместе с каплями сквозь купол тумана проваливались сырые липкие хлопья.

В самый разгар непогоды у тына снова поднялась суeta. На торной дороге, что тянулась в южную сторону, появились большие крытые сани, запряжённые косматыми оботурами.

У Воробыша аж щёки позеленели. Не иначе котляры? Уже?!

Но это оказались не котляры.

Оболок саней, остановившихся на последнем снегу, был поваплен многими красками. Радость и удивление глазу среди серого да чёрного под вечно пепельным небосводом. На передке кутались в шубы два седых человека. Один – лысеющий середович, второй – белым-белый дединька. Из-за стёганой полсти выглядывала рыжая кудрявая девочка.

– Мы люди почестные, скоморохи проезжие, – громко объявил середович. – Будем петь, гудить, народ веселить.

– Что, сильно играть собрались? – подбоченилась Обороха, вышедшая встречать незваных гостей. – Знаем мы вас, объедов, по чужим застольям шатунов!.. – Подумала, добавила с торжеством: – А и веселье наше вчера было, опоздал ты, потешник!

Она поправляла бисерный пояс, чтобы никто не сомневался в её праве решать. Вымокшие чернавки держали над хозяйкой большую рогожу, сшитую углом. Здесь, за пределами зеленца, крышка быстро тяжелела от снега.

На мордах оботуров таял иней, принесённый с мороза. Из ноздрей вырывались облачка пара.

Скомороший вожак, которого, надо думать, в иных местах ещё не так привечали, ответил с достоинством:

– Играть-то будем, на радость людям, а силком смотреть не заставим, никому хлопот не добавим. Кто добром отблагодарит, тому и спасибо.

– Ладно, заезжай, всё равно тебя и пестом в ступе не утолчёшь, – смиростивилась хозяйка. Но тут же строго предупредила: – Смотри мне, вздумаешь баловать, живо путь покажу.

– Мы люди почестные, – повторил скоморох. – Не ошеулы какие.

Косматые быки влегли в упряжь и, упираясь раздвоенными копытами, потащили сани сквозь туман, на голую землю.

Здесь скоморошню взяли в кольцо ребятишки и молодятник, даже взрослые, кто не ушёл в зимовье.

– Прозываюсь Кербóгой, устал немного, – сказался середович. – Это моя дочка Арéла, всюду поспела, а дедушка у нас Гудím, уж вы поласковей с ним.

Словно желая пояснить своё прозвище, старик вытащил длинную пилу. В его ловких руках она согнулась, задрожала, запела. К тому времени, когда оботуры остановились у тына, мелюзга уже тянула вместе с пилой всем известную песенку, девочка метала из ладони в ладонь сразу пять раскрашенных колобашек, а Кербóга рассказывал мужикам новости, подхваченные в украинских городах Андархайны.

Послушать его, жить там было весело. Наместники бдели вполглаза и оглашали указы, составленные то ли попивая вино, то ли после ссоры с женой. В храмах молились о возвращении небесного света и так говорили про это, словно торгуя небесные сферы за подношения верных. Купцы то по-настоящему смело дрались сквозь дебри одичавшей страны, то стервенели, пытаясь семь шкур содрать за товары, что любому нужны. Воры знай себе плутовали, даже дубинки один у другого крали, потом – корчились под кнутом, проклиная на кровавой кобыле всё, что крадьюбой накопили. Работающий народ, от толмачей до палачей, правил всяк своё ремесло, мздоимцам на зло, с ухмылкой слушал священство и придерживал кошельки.

А ждать ли порядка в стране, если праведный царь с ближним домом пропал в небесном огне, покинув державу отцов на третьестепенных царевичей, занятых грызнёй из-за венцов?

Кербóге внимали жадно, мужчины смеялись, девки повизгивали. Речи скомороха словно приоткрывали дверцу в незнакомый и яркий мир. Там стояли большие города, а в них жили невиданные здесь люди: властолюбивые вельможи, бесстрашные воины, святые жрецы...

Волей-неволей поглядывали на Воробыша. Уже завтра все разъедутся по домам, в обычную жизнь. Необыкновенного мира из рассказов Кербóги причастится только Лыкаш. Назовётся новой ложкой в котле. Получит настоящее андархское имя. Натореет в умениях, о кото-

рых даже не слышали в Левобережье. Таков котёл! Сиротки становятся полководцами, выходят в советники при державноимённым мужах. Может, всего через несколько лет и Лыкасик встанет на службу к кому-нибудь из высокостепенных людей, о ком так складно бает заезжень... И страшно, и завидки берут!

Братья Опёнки стояли поодаль, прижавшись под одной широкой рядниной. Понятно было не всё. Только то, что вечерять из своих припасов странникам навряд ли придётся. Тех, кто веселит народ складными разговорами, да к угощению не позвать?..

Несомненно, потешники были бы рады немедля затеять хоть малое представление, зарабатывая пироги и подарки. Однако непогода разошлась уже так, что начало заметать даже двор.

Лыкасик продержался у скоморошни дольше иных.

– А кочет плясать будет? – спросил он Кербогу.

Братья наострили уши. Они тоже разок видели на торгу, как под звуки дудочки прыгал, кружился, задира лапы петух.

– Нет, – покачал головой Кербога. – Такого не держим.

– Был один, да слопали, пока сюда топали, – засмеялась девчушка.

Северной речью отец с дочерью владели очень неплохо. Хотя на лицо были, как и Гудим, чистые андархи.

– Ну-у... – разочарованно надул губы Воробыш.

Ему хотелось, чтобы на его праздник собралось всё самое дивное и знаменитое, что на свете ведётся.

Когда почти все разошлись, Опёнки наконец подобрались ближе к возку.

– А вы почто? – не слишком ласково повернулся к ним Кербога. Теперь было видно, что он и правда устал. Куда сильнее, чем объявлял вслух. Хорошо, если не всю ночь погонял оботуров, опаздывая на веселье. – Других дел нету, опричь как глазеть?

Сквара вытряхнул забитую снегом ряднину.

– Да мы не глазеть пришли, – сказал он. – Мало ли, с дороги чем пособить... Вы с дедушкой старые, а девка соплива.

Девчонка фыркнула:

– Сам сопуля!

Сквара фыркнул в ответ:

– Не сопуля, а сопливец. Толку не знаешь по-нашему, а туда же, браниться.

Вожак скоморохов прищурился, взгляд был зоркий и пристальный.

– Да вы дикомыты никак? – спросил он затем. – То-то, смотрю, и хيجا вам нипочём! Долго добирались?

– Не, – сказал Сквара. – Две седмицы всего.

– А прозываетесь как?

Сквара ответил гордо:

– Опёнками, лыжного источника сыновьями, Жога Пенька. Меня Скварой хвалят, а его Светелом.

– Братья, что ли? – удивился Кербога. – Вот уж схожи так схожи!.. Прямо близнецы, бровь в бровь, глаз в глаз... Слышь, меньшей, твоя мамка в Андархайне часом не гостевала?

Светел вздрогнул. Сквара нахмурился, дерзко проворчал:

– Мамка дома сидела. А вот отец, случалось, гостил.

Он не по всякому поводу открывал рот, но, если уж открывал, мало никому не казалось. Кербога так хлопнул себя по бедру, что с мокрых штанов полетели брызги.

– Тебе, парень, на роду означено глумцом быть! А поехали с нами?

Он настолько легко и весело произнёс эти слова, что невозможное на миг стало возможным.

– Не, – помотал головой Сквара. – Я лыжи буду уставлять, как атя.

«А я – всех лечить», – добавил про себя Светел, но думалось ему совсем про другое. Уехать со скоморохами. Увидеть далёкие города. Побывать в самой что ни есть коренной Андархайне, близ Фойрега. А вдруг где-нибудь там...

«Вот велик поднимаюсь...»

Кербога же с пробудившимся любопытством разглядывал стоявших перед ним мальчишек. Одинаковыми у братьев были разве только пятна под глазами и на щеках. Покусы мороза, где плящей зимой меховая харя примерзала к живой коже. Старший, худоватый, но сильный, доброго плетева, выглядел истинным северянином. Прямые волосы цвета чёрного свинца, нос с тонкой горбинкой, белая кожа. Глаза под строгими бровями – очень светлые, впрозелень голубые, точно камни верилы. Паренёк был так хорош, что его не портила ни челюсть, немного выдвинутая вперёд, ни даже шрамик в левой брови, отчего та казалась надломленной. Младший... Рыжаком его нельзя было назвать. Однако волнистые кудри вместо обычной желтизны горели дивным огненным золотом: гнездари называли такие волосы рудо-жёлтыми, а дикомыты – жарыми. И глаза были не карие, не ореховые, переливались густым медовым расплавом...

– Эх, ребятёнки, были бы вы постарше годков на пять! – вырвалось у Кербоги. – Я бы нарочно для вас кощуну сложил. Про Бога Грозы и Бога Огня...

– Это как?... – пискнул младший.

Кербога, не слушая, переводил взгляд с одного на другого:

– Только имена бы вам наоборот... Сквара – это ведь по-вашему «пламя»?

Братья переглянулись. Первое имя Светела тоже означало огонь.

– Отцу с матерью лучше знать, – буркнул Сквара.

Кербога, неожиданно вдохновившись, щёлкнул пальцами:

– А что пять лет ждать? Боги небось не сразу бородатыми родились...

Это он произнёс по-андархски, наполовину намеренно. Маленький правобережник попался. Понял сказанное и не сумел того скрыть. Сообразил свою оплошку, почему-то перепугался.

Старший на него покосился. Выговорил неожиданно правильно:

– Нам ли не разуметь, как молвят великие соседи!

Мокрый снег продолжал сыпаться на головы. Кербога отряхнулся, смешно, почти по-собачьи.

– Вот что, ребятёнки, недосуг болтать! Взялись помогать, помогайте, а нет, не мешайтесь! С оботурами управляться умеете?

Когда братья в надежде поесть сунулись к поварне, доброй девушки нигде не было видно. По счастью, злая чернавка тоже куда-то ушла. Лишь пожилая стряпка беседовала с государыней-печью. Пламя негромко рокотало, облизывая глиняный свод, последняя закладочка дров разваливалась позванивающими углями. Все голоса отдавались под куполом, сливаясь в почти осмысленный ропот. Прозрачный голубоватый дым извергался из устья, чтобы обтечь наверху завернутые в мох лопасти мяса. Потом выгибался, падал в крохотное задвижное оконце.

Печь дышала теплом. Даже с порога было видно, что сажа на своде почти вся выгорела. Скоро пламя иссякнет, оставив рдеющую стихию углей. Тогда стряпка скутает печь. Та помалу утихомирится, выстоится, слегка отдохнёт... И хоть опять бросай в неё калачи. А потом сажай гуся, чтобы дошёл к вечеру. И ещё завтра горнило в охотку будет томить кашу, зелья, мясные хрящи... Как не захлебнуться слюной?

Стряпка не глядя взяла длинный ухват, поддела тяжёлый горшок, перенесла на печной верх. Тем же ухватом ловко сдвинула крышку прогара. Говорок печи сразу изменился, окрашиваясь волнением. В дышало прозрачной струёй вырвалось пламя, затрепетали в воздухе искры.

Горшок скрежетнул глиной о глину, плотно сел в отверстие, перекрыл выход драгоценному жару. Огонь деловито вздохнул, вновь повёл речи о чём-то домашнем и добром.

Мальчишек с неодолимой силой тянуло к печи.

Они так привыкли к снежным ночёвкам, что счастьем был даже холодный собачник. Хотя ветер не поддувает. И ледяной дождь не начинается среди ночи вмораживать в насталь... А тут!..

Откуда-то выскочила приспешница, сразу сунула братьям по плетёнке для дров:

– Ну-ка живой ногой за поленьями, пендери!

– Ты грейся, – сказал Сквара брату. – Я натаascaю.

Светел надулся, крепко схватил плетёнку, побежал следом за ним. Где дровник, они уже знали.

Таскать пришлось порядочно: не меньше полусажени. Про запас, чтобы вылежались в сухом тепле и горели споро и весело. Когда раскрасневшиеся братья вернулись с последними бременами, в поварне их встретили горькие слёзы.

Добрая девушка, что накануне поднесла им каши, давилась и надрывалась, съёжившись в уголке. Она что-то укачивала на руках. Светел, приглядевшись, заметил серенький хвост.

Братья поставили плетёнки, подошли.

– Дай мне её, – сразу сказал Светел. Протянул руки.

Черनावушка подняла мокрое лицо, оглянулась, ничего не поняла.

– Дай ему кошку, – сказал Сквара.

Девушка почему-то поверила. Всхлипывая, бережно уступила Светелу любимицу. Светел взял податливое тельце, сел на дрова.

Кошка, изувеченная жестоким пинком, была ещё жива, но огонёк дотлевал. Он слабел и еле держался, грозя изникнуть совсем. Светел потянулся к нему, обнял своим пламенем, ровным и сильным. Тут же вспомнилось, как угасал огонёк дедушки Корня. Светел тоже пытался его удержать, но дедушка был совсем ветхий, а Светел – маленький. Теперь он вырос.

– Ой, мамоньки! – вдруг испугалась стряпка.

Она услышала, как словно бы закашлялась печь. Нагнулась проверить... Увиденное в горниле кому угодно могло дать напужку. Поленья прогорели ещё не вполне, но весёлый рыжий огонь почему-то опал синеватыми язычками. Они едва озарили свод. Женщина взялась дуть в угли.

Кошкин огонёк перестал меркнуть. Ободренный, обласканный, он заплясал, ухватился, начал уверенно разгораться. Светел улыбнулся и отступил, выпуская его радоваться на воле.

Печь рявкнула. Огонь так и планул в самый свод, даже пыхнул из устья, опалил брови стряпке. Женщина отшатнулась, грузно села на пол, запоздало прикрываясь руками. Сквара бросился поднимать.

Кошка подняла голову, тихо мяукнула, потёрлась мордочкой о ладонь.

– А ты плакала, – сказал Светел черनावушке.

И мысленно поклонился печному огню: «Спасибо, братейко!»

Уже хорошо за полдень вернулись мужики, ходившие на Подстёгин погост. Детвору стало не отогнать от избы, где рассказывали и рядили. Братья Опёнки в толкотню опять не полезли. Была охота слушать докучливое нытьё Лыкаша, раздосадованного, отчего санки с тёти-Дузыными пряничками не привезли.

– Придёт атя, расскажет, – решил Сквара. – Давай опять к скоморохам!

Светел обрадовался. Ему не терпелось ещё посмотреть на девочку, метавшую пёстрые колобашки.

Они только заглянули в собачник. Сквара хотел проведать Зыку и на всякий случай взять из санок кугиклы, вдруг пригодятся.

Внутри, к своему неудовольствию, братья вновь увидели скоблёное рыло.

Лихарь стоял возле их санок с одним из гостей, приехавшим на большой упряжке. Оба разглядывали Зыку. Близо, впрочем, не подходили, потому что без хозяев кобель знал себя охранником и становился суров.

– Слышь, малый? – обернулся гость к старшему Опёнку. – Может, пустим с Бурым? Всё забава.

– Выводи пса, – поддержал Лихарь. – Как раз снег перестал.

Сквара оттолкнул неприветливо:

– Бурый ему лапу прокусит, ты нам санки через Светынь повезёшь?

– А я тебе о чём, Поливан? – обернулся Лихарь к мужчине. – Дикомыты и есть, учтись со старшими не учёны.

Гость покачал головой, не спеша сердиться:

– Малый прав. Это мы с тобой не подумавши разлетелись.

Взял Лихаря за плечо, увёл вон. Братья переглянулись, сели по обе стороны Зыки и долго не решались уйти, словно кто только и ждал без них обидеть его.

– Он чей, Лихарь этот? – тихо спросил Светел. – С кем пришёл?

– Не знаю, – сказал Сквара. – То одних держится, то других... Ладно, братище. Вот проводим завтра Лыкашку, и домой.

В большом шатре, примыкавшем к болочку саней, стучали молотки. Двое парней, заглянувшие помочь, под началом деда Гудима возводили деревянную подвысь.

Лежачие доски нужно было сажать на деревянные гвозди в непременно порядке, чтобы посередине вышел четырёхугольный лаз, только вскочить человеку. В сторонке стояла деревянная западня.

Нужно было видеть, как объяснял Гудим работу парням. Не произносил ни слова, обходился движениями рук и улыбкой. Улыбка у него была очень славная. А руки толковали понятней, чем у иных вышло бы словами.

Светел не сразу, но всё же набрался смелости к нему подойти:

– Дединька, а на что прорубь?

Гудим хитро посмотрел на него... и вдруг зашагал на одном месте, тревожно озираясь, словно чая погони. Заметил кого-то – и внезапно присел, как провалился. Немного обождал... Выпрямился неожиданно ловким движением, схватившись за невидимые края. По-прежнему не сходя с места, машисто и весело зашагал дальше, посмеиваясь над одураченными преследователями.

– Ух ты!.. – сказал Сквара.

– Дединька, а что не говоришь? – спросил Светел.

Гудим коснулся пальцами губ, виновато развёл руками. Дескать, рад бы, да не могу.

Светел почти решился спросить ещё, но в это время пособники начали что-то делать вкливо. Почтенный скоморох мигом забыл о мальчишках, устремился на выручку.

– ...Брови у тебя дугами: ты чувствуешь, что сердце велит, – негромко доносилось из угла. – Сидят высоко: другим людям незачем знать твоих помыслов... – При лучине одна против другой расположились кудрявая Арела и старшая лихая чернавка. – У тебя маленький нос: ты думаешь о том, чего тебе хочется сегодня...

– А длинный был бы? – не иначе вспомнив кого-то, спросила вдруг та.

– Тогда ты больше думала бы о том, что завтра случится.

– Вот ещё нужда была, – хихикнула чернавка. – Я и так знаю, что завтра будет. Толкуй дальше!

Арела поудобнее повернула её к свету лучины.

– У тебя невелики уши: тебя занимает не всё, что могут люди сказать, но важного для себя ты не пропустишь...

Светел невольно задумался о том, как устроено его собственное лицо и что могут значить лоб, щёки, губы. Ему даже захотелось сесть против Арелы, чтобы она дала смысл каждой черте. «Ну да! Такого небось натолкует, сам себя знать не захочешь...» Будь здесь мама, погрозила бы пальцем: боишься правду услышать! Мама была далеко, а всё равно стало обидно. Может, оттого, что частица истины в додуманных словах всё же была?

Из-за притворённой двери оболочка глухо звучал голос Кербоги. Не дело слушать, о чём говорят за дверьми, но, если слух обостряется сам собой, как с ним совладать?

– Посмотри, насколько разнятся его ладони! Это значит, что твоему сыну предстоит удивительный путь. Видишь маленькие морщинки, здесь и вот здесь? Он будет радовать наставников, сумеет в полной мере постичь их науку. А эта бороздка гласит, что он проживёт ещё немало лет...

Братья Опёнки переглянулись, на всякий случай отошли подальше.

Спустя некоторое время голос Кербоги смолк.

Чернавка оглянулась, сунула Ареле вкусно пахнувший свёрток и удрала вон, пока хозяйка не видела.

Юная толковательница посмотрела на Светела.

– Тебе тоже по личику погадать? – ехидно спросила она. – Или, может, по ладони? Я и по ладони умею...

Светел поспешно спрятал руки, замотал головой. Хотелось юркнуть за брата, но не при девчонке же.

– Атя не благословил, – степенно отказался Сквара.

Арела наставила палец на обоих сразу:

– Всех на русь выведу, всё как есть покажу...

Светел спросил её:

– Что петуха не держите, чтобы людей плясками забавлял?

Девчонка посмотрела на него едва ли не с жалостью:

– А знаешь ты, как их охотники учат?

– Не знаю, – сказал Светел. – Псов учил в запряжке ходить, а куры у нас давно не ведутся.

Арела проговорила зло и отрывисто:

– На железный лист ставят, чтоб соскочить не мог, а снизу горшок с углями. Сами на дудке играют. Он лапы вскидывает – больно! Так несколько раз, и он потом, как дудку услышит...

Стукнула дверь. Вышла довольная Обореха, за ней сын. Последним появился Кербога.

– О, кто пришёл! – обрадовался он братьям. – Ну-ка, полезайте на подвысь! Видели когда-нибудь лицедейство?

– Нет, – мотнул головой Светел.

– Атя сказывал, – проговорил Сквара.

– Значит, – рассудил Кербога, – сумеете сообразить, что к чему. Ты, старшенький, будешь Богом Грозы, а ты, меньшей, – Богом Огня. Настал день Беды...

– А батенька благословил? – ядовито осведомилась Арела, но братья смотрели только на Кербогу.

– Настал день Беды, и вы обороняете Землю!..

Сквара напряжённо свёл брови:

– Это как?

– А так, – немного подумав, объяснил скоморох. – Люди, глядящие на помост, должны увидеть братьев-Богов, готовых не пощадить себя ради смертных. – И лукаво усмехнулся: – Конечно, показать не всякий сумеет...

У мальчишек разгорелись глаза.

– Наставляй, дяденька Кербога. Как нам кощунить?

Кербога нарадоваться не мог на Опёнков. Младший вспыхивал, искрился, пылал каждым движением. Старший, более суровый и сумрачный, как будто таил до поры и сизые молнии, и яростный гром. А сколько смеха жило в глубине глаз!.. Правду люди говорят: ни за что не угадаешь, в каком краю что найдёшь! Скоморошина рождалась шажок за шажком, слово за словом, из ничего, по наитию... Старик Гудим принёс широкие андархские гусли, тихонько взялся за струны.

– Грозу, – самозабвенно бормотал Кербога, расхаживая перед помостом. – Слезу́... доползу...

Мальчишки благоговейно внимали. Вряд ли они умели постичь, какое чудо творения вершилось у них на глазах. Однако чудо от этого меньше не становилось.

Созвучие всё ускользало. Братья начали переглядываться. В глазах у обоих плескалось шальное веселье.

– В тазу, – нахально шепнул Сквара. – Привезу...

– Я тебя, охаверника! – рявкнул Кербога. Тут его взгляд вдруг остановился, он щёлкнул пальцами. – Небес бирюзу! Вот!..

И они в восторге повторили кощуну с самого начала.

Внимательная Арела подсказывала слова, если отец забывал.

Опёнки метались по настилу, прыгали через прорубь, заполошно размахивали руками.

Озарился, запылал тёмный лес...
Проломила все покровы Небес,
Метя Землю извести навсегда,
Та ли чёрная, чужая звезда...

Гусли прокричали горестно и тревожно.

Сквара огляделся, встал как врытый, взял брата за плечо.

Бог Грозы промолвил Богу Огня:
«Полегла, похоже, наша родня!
Судьбы пишутся на скорбном листе:
Братец Солнце запропал в темноте,
Тяжко ранены и Мать, и Отец,
Да и нам бы не изгаснуть вконец!
Примем битву у последней черты
Мы с тобою, младший брат, я и ты!»

Сквара и Светел плечом к плечу разили стругаными мечами. С таким пылом и гневом они махом разогнали бы любых супостатов, но гусли Гудима стонали всё обречённей.

Беспощаден был отчаянный бой.
Старший брат закрыл меньшого собой...

Сквара широко шагнул вперёд, схватил Светела, убрал за спину.

«Сбереги себя, Огонь, сбереги!
Чтоб не стыли у людей очаги,
Чтобы мир не погрузился во тьму —
За обоих нас я раны приму...»

Гусельная струна прозвенела отпущенной тетивой. Сквара уронил деревянный меч, преувеличенным движением схватился за грудь, медленно осел на колени. Светел в ужасе простёр к нему руки, но брат его отстранил.

«Ты не плачь по мне, меньшей, не велю!
Пусть накинули на шею петлю,
Пусть согнут меня ярмом до земли
И надежда потускнеет вдали,
Пусть туман затмит Небес бирюзу —
Где та цепь, чтоб удержала Грозу!»

Сквара упрямо поднял голову, глаза горели. Привстав на одно колено, он воздел руки и резко, с усилием развёл, словно вериги порвал. Светел потрясал двумя мечами, стоя у него за спиной.

Гусли Гудима скорбели, и радовались, и обещали победу.

Кербога разошёлся не меньше мальчишек. Жаль было одного: вряд ли здешний люд увидит то, что сейчас видел на подвыси скомороший вожак. Завтра появятся котляры, небось станет не до веселья. Да и не перед котлярами такое играть. А потом правобережники уедут домой.

Ну ничего. Удосужиться бы с утра повторить. Может, запомнят, к себе на Коновой Вен увезут.

Гудим не сразу отложил гусли, всё ласкал их гибкими, сильными, совсем не старческими руками. Вдохновение, подаренное кощунной, выдалось таким высоким и светлым, что никому не захотелось просто так его отпускать.

Старший Опёнок вдруг спохватился, вытащил припасённые кугиклы. Выложил на ладонь все пять цевков, подровнял, обхватил, стал подыгрывать гусям.

– Девичья снастишка, – тут же подметила неугомонная Арела. – У сестёр небось отобрал?

Сквара как не услышал. Прикрыв глаза, водил кугиклами у рта, подпевая переборам струн.

– Глянулся тебе Бог Грозы, – сказал Светел.

Он бы предпочёл, чтобы она всё подмечала и язвила не Сквару, а его самого.

– И никто мне не глянулся, – покраснела девчонка. Но хоть замолкла.

Кербога вновь подумал, что, кажется, дал опрометку, приписав яркую даровитость одному младшему. Старший дикомыт играл по-настоящему хорошо. Скоморох улыбнулся:

– Чудовые дела... Я тоже слышал, что у вас в Правобережье бабы не берутся за гусли, а мужики – за кугиклы.

Это, кстати, была правда святая.

– Так бабушка за ним сперва с веником, а после смирилась, – расхвастался Светел. – Только он у девок не отбирал, сам смороковал, как полюбилось. Он все песни знает! Колыбельную мне сложил, вот. Я мал был...

– По мне, и сейчас от горшка два вершка, – фыркнула Арела.

Светел не остался в долгу:

– Мал горшок, да сердит. – И посоветовал: – Не смотри высоко, глаза запорошишь. Тоже ещё, невеста!

Она зло сощурилась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.